

A person with short dark hair, seen from behind, stands in a room looking out a large window. Outside the window, a dilapidated, two-story wooden house with peeling paint and a gabled roof is visible. The scene is dimly lit, with light coming from the window. The overall mood is somber and reflective.

ХРОНИКИ ПРОСРАННОГО ПОКОЛЕНИЯ

ПРАВДА, СТРАШНЕЕ ЛЮБОЙ ВЫДУМКИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алексей Иф

Хроники просрапного поколения

«Автор»

2026

Иф А.

Хроники проспанного поколения / А. Иф — «Автор», 2026

Правда страшнее любой выдумки, и эта книга — лучшее тому подтверждение. Алексей пролетел полмира — от шикарных отелей Мальдив до трущоб Доминиканы, от парижских бульваров до кубинских плантаций, — отчаянно пытаясь сбежать от самого себя. Это не просто путевые заметки туриста, а уникальный сплав социальной сатиры, мистического триллера и жестокой семейной саги. В центре повествования — прадед Игнат: жестокий кулак, колдун и убийца, чье темное проклятие легло на весь род. Впервые публикуются подлинные записи дневника бабушки и документы, подтверждающие мистические события в семье. Автор сравнивает географию души и крови, показывая, почему «райские» острова оказываются красивыми тюрьмами, а родная Москва — единственным местом, где можно дышать. «ХРОНИКИ ПРОСПАННОГО ПОКОЛЕНИЯ» — это исповедь о грязи и славе реальной жизни, где самые безумные абзацы являются легко проверяемыми фактами. Читайте, если готовы узнать правду без купюр о нашем поколении и стране, которую невозможно не любить.

© Иф А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

О книге. Правда страшнее любой выдумки	5
Часть I. Не та география	6
Часть II. Колдовство Утриша и проклятие родни	22
Глава 1. Эстафета проклятия	23
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Алексей Иф

ХРОНИКИ ПРОСРАННОГО ПОКОЛЕНИЯ

О книге. Правда страшнее любой выдумки

Правда часто бывает страшнее любой выдумки. Вымысел ищет логику, а правда — хаос. Уверен, что родственники мне эту книгу не простят, если её прочтут. Но я её опубликую. Я должен это сделать.

Это не просто путевые заметки «человека, который видел мир». Это исповедь человека, который отчаянно пытался убежать от самого себя.

Алексей пролетел полмира — от шикарных отелей Мальдив до трущоб Доминиканы, от парижских бульваров до кубинских плантаций. Он искал место, где будет спокойно. Но чем дальше он уезжал, тем явственнее слышал голос из прошлого. Голос прадеда Игната — жестокого кулака, колдуна и убийцы, чье проклятие легло на весь род.

«ХРОНИКИ ПРОСРАННОГО ПОКОЛЕНИЯ» — это уникальный сплав социальной сатиры, мистического триллера и семейной саги. Здесь нет выдуманных персонажей. Есть только грязь и слава реальной жизни, которые переплетаются в одну захватывающую историю.

Что вас ждёт внутри:

— География души и крови. Почему «райские» острова на поверку оказываются красивыми тюрьмами, а родная Москва, несмотря на весь холод и хаос, остаётся единственным местом, где можно дышать.

— Семейные тайны Утриша. История прадеда, который держал в страхе весь район и передал свою тёмную силу перед смертью. Мистика, от которой бегут мурашки, потому что она — документальна.

— Настоящий дневник бабушки. Впервые публикуются подлинные записи женщины, которая была свидетельницей того, что церковь называет злом, а наука — галлюцинациями. В книгу включена скан-страница, написанная её рукой.

— Правда без купюр. Автор обещает: в следующем издании он выделит жирным шрифтом все слова, которые являются стопроцентной правдой. Вы удивитесь, но самые безумные абзацы этой книги — это не фантазия писателя, а легко проверяемые факты.

Читайте, если вы готовы узнать, почему наше поколение считает себя «просранным», и почему, несмотря на все грабли истории, мы любим нашу страну.

Часть I. Не та география

Москва, 2025 год. За окном — многоуровневые магистрали, залитые неоном, где машины плывут, словно светлячки в гигантском аквариуме. Алексей сидит в полумраке комнаты, наблюдая за этой чуждой жизнью сквозь запотевшее стекло. В его руке — бокал с терпким красным вином. Каждая капля кажется продлением вечера, мостиком в другой мир.

На столе лежит ноутбук. Страницы открытого редактора, белые и стерильные, как операционное поле, ждут. Алексей делает глоток — вино обжигает горло, расслабляет мысли, стирая границы реальности. И тогда начинается магия: на экране проступают строки. Пока он трезв — книга молчит. Она требует податливости сознания, тумана в голове.

То, что он пишет, не укладывается в жанры. Это сборник странных снов, полуночных откровений и пьяных пророчеств. Кто-то назовёт это рассказами, кто-то — гениальной прозой, а кто-то — лишь невнятным бредом человека, нашедшего вдохновение на дне бокала. Но для Алексея это единственный способ услышать самого себя. Чем меньше вина в бутылке, тем больший книга обретает объём.

Я совершенно не могу представить географию жизни моих родственников. Когда я пытаюсь сделать это, у меня в голове не карта СССР, а хаотичное нагромождение точек, выколотых кем-то, иглой на красной ткани напоминающей ландшафт страны. Это не карта, это чёрная дыра.

Прадед по линии мамы, с типично русским, жёстким именем того времени — Игнат. Он приехал с Кубани, с солнечного, благоухающего Малого Утриша. Там сейчас элитные базы отдыха, дельфинарии, сосны, упирающиеся в само небо, и море, тёплое, как материнское молоко. Как его будущее поколение оказалось здесь, в серой, пропитанной выхлопными газами Москве, понять очень сложно. Но если копнуть глубже, может, и не стоит понимать. Может, нам просто нужно было убраться подальше от того берега.

Родственники шепчутся об Игнате, крестятся, когда вспоминают его имя. Он был сложным собственником, очень жестоким. Нынешние «бизнесмены» по сравнению с ним — легкомысленные дети. Игнат был зажиточным кулаком, и к своим работникам относился... скажем так, специфически. Он загонял свою жену — мою прабабку — до смерти. По семейной легенде.

Думаю, в архивах того маленького городка хранятся дела, которые не раскрыты до сих пор. Мистические события. Смерти работников при загадочных обстоятельствах, падёж скота, бесследные исчезновения дальних родственников, которые имели наглость попросить у Игната в долг. Одним словом, мой прадед был далеко не ангел, а совсем наоборот. Он был тем, кто держал в страхе весь район, и на его совести — столько крови, что ей можно было бы полить все виноградники Утриша.

Когда он умирал, в доме стоял такой вой, что собаки с соседних хуторов разбегались. К нему не пускали детей — моего деда и его братьев и сестёр. Была уверенность, старинная крестьянская вера, что он передаст своё колдовство, а, соответственно, и судьбу своим внукам. Смотришь в его глаза — и видишь там дно преисподней. Коснёшься его руки — станешь таким же монстром.

Он умирал долго и мучительно. Бился в кровати, хрипел, рвал на себе рубаху. Говорили, что на том свете он никому был не нужен с такими знаниями. Даже чёрт боялся брать его в ад, видимо, конкуренции боялся. Но Игнат был хитёр. Он смог выполнить последнюю наложенную на него миссию дьяволом.

В то время в доме жила старушка. Безродная, нищая, она не имела дома и семьи, её просто приютили мои родственники из жалости. Она мыла полы, чистила картошку. Она была никем. И именно поэтому её не ждало ни возмездие, ни слежка. В предсмертной агонии Игнат успел-таки передать свою злую силу ей. Бабушка рассказывала — прадед вдруг затих, повер-

нул голову к стене, где сидела старуха, что-то прошептал сквозь пену у рта, и она вздрогнула, словно её ударили током. Вся злость, вся магия хулигана, вся сила убийцы перетекла в это незащитное тело. Старуха прожила долго, и после её смерти в семье началась череда неудач. Эстафета проклятия была принята.

Конечно, никто не знает точной цепочки, по которой передавалось это зло. Тёмная энергия, как электричество, всегда ищет проводник с наименьшим сопротивлением. Старушка умерла, забрав с собой в могилу проклятие Игната? Или успела переплавить его в другую душу? Родственники шепчутся, крестятся, опуская глаза, когда заходит речь о младшем Александре.

Поговаривают, что именно ему достался этот «дар» деда. Если судить по его жизни, по тем следам, которые он оставил на телах и судьбах окружающих, люди не врут. Он стал идеальным сосудом для скопившейся веками грязи.

Его жестокость не имела причин. Это была не злость на обиду, не месть за ворованный рубль. Это была холодная, бессмысленная жестокость, как лютый мороз в январе. Жизнь его была пуста, она не имела ни цели, ни высоты. Он просто занимал пространство, потребляя еду и кислород, выдыхая страх. И в конце концов его последние шаги в этом мире, его кончина — всё это полностью подтверждало: он был не человек. Он был бес. Бес во плоти, застрявший между мирами.

Его взгляд я помню с детства. Он до сих пор преследует меня в ночных кошмарах. Это был взгляд полоумного, больного, бешеного психа. Глаза, в которых не отражалось небо, не было солнца, а только дно болота. Когда он смотрел на тебя, тебе хотелось спрятаться, ползти в нору, закрыться шваброй от этого пустого, жадного блеска.

Я помню один случай, от которого до сих пор стынет кровь в жилах. Лето. Жара, такая, что асфальт плавился. Он, наш дядька Александр, повёл нас, своих племянников, на пруд купаться. Мы были детьми. Маленькими, незащитными, доверчивыми.

Пруд был тихим, мутным, с кувшинками и плавающими жуками. Мы плескались у берега, смех звенел над водой. И вдруг ему пришла в голову идея — соревнования.

— Плывите наперегонки! — крикнул он. Кто первый до того буйка, тот молодец.

Мы стартовали. Ребятишки, весёлые, резвые. Я помню, как я грёб, как хотел победить. И я обогнал его. Я его обогнал, этот финиш был для меня победой в олимпиаде. Но для Александра это стало триггером. Спусковым крючком.

Взбесило его. Потрясло, как старый, дырявый котёл. Тот факт, что ребёнок оказался быстрее, сильнее, ловчее его — взрослого мужчины — вывело его из себя. Он перестал плыть. Он начал орать. Не просто кричать, а выть, рычать, брызгать водой, пытаясь меня захлестнуть, сбить с ритма, затопить.

Я вижу это лицо сейчас, разделённое рябью воды на части. Оскаленный рот, налитые кровью глаза. Это был не дядя, играющий с племянниками. Это был хищник, которого обманули в охоте.

Слава богу, что никто из нас не плыл рядом в тот момент. Если бы я был ближе, если бы я подался к его рукам — он бы меня утопил. Я чувствую это каждой клеткой тела. Это не было бы несчастным случаем. Это была бы убийственная ярость. Он бы держал меня под водой, пока из лёгких не вышел последний пузырёк воздуха. И да, конечно, он был пьян.

Мы тогда выбрались на берег, дрожащие, испуганные, притворившись, что ничего не произошло. Что это просто такая игра. Но мы знали. Мы видели зверя в человеческой обёртке.

Посмотрите на детские фотографии маньяков. Возьмите в руки фотоальбом Андрея Чикатило или посмотрите видео Битцевского маньяка. Они там — божьи одуванчики. Весёлые, пухлые щёки, светлые чёлки. Играют с детьми, счастливы, улыбаются во весь рот.

Но если взглядеться, если снять фильтр — глаза выдают. Глаза — это зеркало души, а если души нет, в них отражается небытие.

Как-то в жёлтой телевизионной прессе, в какой-то передаче про криминал, показали кадры хроники Битцевского маньяка — кажется Пичушкина. Он стоит на дне рождения, у семейного стола. И он берёт на руки маленькую девочку. Думаю, это была его родственница, племянница, соседка. Он держит её бережно, даже нежно, улыбается камере.

И в этот момент сквозь экран телевизора пробивается животный, физический ужас. Холодный пот выступает на лбу. Страх за эту девочку становится осязаемым, его можно резать ножом. Ты сидишь в мягком кресле, в безопасности, но тебе хочется крикнуть ей: «Беги! Беги от него! Он тебя убьёт!».

Ты видишь в его руках не ребёнка, а куклу, которую он может случайно сломать, чтобы посмотреть, что у неё внутри. Это тот же взгляд, что был у моего дяди Александра на том проклятом пруду. Это взгляд существа, для которого жизнь другого — это просто ресурс, песчинка, которую можно смахнуть.

Таких людей много. Они прячутся среди нас. Они работают в магазинах, водят автобусы, сидят в парламенте. Иногда они — твои родственники. И страшнее всего то, что они не считают себя монстрами. Для них мы — просто скотина, которую забили не вовремя или не тем способом.

Александр прожил свою жизнь, так и не узнав, что в нём живет демон. Или зная, и наслаждаясь этим. Его смерть не стала очищением. Это было просто выключение рубильника. Но страх, который он внушил нам, тот, детский страх на мутном пруду, остался. Он сидит в подкорке, маленький холодный паразит, напоминающий: зло не исчезает. Оно просто меняет лица.

Про Александра напишу немного позднее подробно, вернёмся к географии.

Сам Игнат до Москвы, конечно, не доехал. Я — третье поколение после него, и я — первый москвич, не считая моего брата и сестры. Мы убежали от греха.

Дед, сын палача, осел в Курске. Быть может, он пытался спрятаться в российской глуши. Потом был репрессирован и долго жил незнамо где — его след просто тонет в архивной пыли, в бесконечных списках расстрелянных и пропавших без вести. Возможно, он сам пошёл в НКВД, чтобы отмыть кровавый грех отца чужой кровью. Кто знает?

По линии папы история не менее безумная, но уж совсем без мистики. Бабушка тоже до Москвы не доехала. Она каким-то чудом, вероятно, по этапу или по распределению, оказалась в Иркутске. В этом суровом сибирском холоде, где минус сорок — это просто «сухая погода». Но большую часть жизни она прожила в Саратовской области.

И кстати, она тоже была репрессирована. Только не за колдовство и не за убийства. Она просидела один год в тюрьме за... какие-то краденые пирожки.

Представь этот масштаб. С одной стороны — Игнат, душитель жён, колдун, стоящий над рекой крови. С другой — бабушка, которая в голодный год стащила с подоконника пирожки. Оба — «враги народа». Оба — вычеркнуты из жизни.

Мои родственники жили и живут во многих городах нашей родины.

Саратов, Балашиха, Тамбов, Рязань — и тысяча городов нашей необъятной, не обрядной, а просто «не той» страны. Люди двигались, как перекасти-поле, гоняемые ветрами истории, войн и голода.

А я, чёрт возьми, москвич.

Ничего не подумайте дурного. Это не хейт, не нытьё человека, который потерял корни и проклинает воздух, которым дышит. Я очень люблю свою страну. Я жить не могу без своей родины, и поверьте, мне есть с чем сравнивать.

За свою недолгую жизнь — а мне ещё нет и тридцати пяти — я исходил и изъездил полмира. Мои глаза видели Венгрию, я дышал свободой Кубы, терялся в лабиринтах Парижа, растворялся в лазури Мальдивских островов. Мои ноги ступали по земле Беларуси, я гостил у самого океана на Республике Маврикий, пил чай на шумных базарах Узбекистана, грелся под

палящим солнцем Доминиканы, тонул в искусственной роскоши Турции и ОАЭ. Ах да, ещё Таиланд, фруктовая идиллия и нищета местного населения.

Я веду своего рода журнал — летопись моих скитаний, если хотите. Уже десятки отметок в паспорте и памяти: 59 городов и 9 стран. Это немного для кого-то, но для меня — это карта того, как я бежал от самого себя, пытаюсь найти место, где мне будет спокойно.

Раз уж эта глава про географию, давайте коснёмся других стран. Попробуем сравнить мои впечатления о стране пребывания с нашей страной. Я делаю это не для того, чтобы хвалить Запад или ругать Восток. Я хочу, чтобы читающие эту книгу понимали, в какой уникальной и очень хорошей стране они живут. Стране, которая, несмотря на все грабли, на которые мы наступаем, всегда будет прекрасна.

Опять же, я прекрасно понимаю, что туризм с миграцией путать нельзя, это совершенно разные истории. Можно приехать в Барселону или Дубай, очень хорошо отдохнуть, выпить коктейль у бассейна, и сказать: «Вот тут жизнь!». Но настоящая жизнь — это другое. Жизнь — это когда ты просыпаешься в понедельник и идёшь на работу. Элементарное отсутствие хлеба в магазине или его низкое качество будет бесить так, что невозможно будет жить, даже если за окном пальмы и +30.

Начнём с Венгрии.

Я там был в служебной командировке. Компания IBM, этот колосс IT-мира, пригласила на местное мероприятие сотрудников компаний, которым они хотели впаривать свои продукты. Нас собрали под видом обучения в Будапеште. Красивая легенда: «Обмен опытом», «Европейские стандарты», «Нетворкинг». А по сути — обычные продажи, просто с видом на Дунай.

История с потерей началась глупо, как всегда, в кино. Уезжая туда, я потерял в автобусе планшет и компьютер. Не просто железо, не просто инструмент. На компьютере были фотографии моих детей, моей свадьбы, первые шаги, дни рождения, записки — вся моя история, оцифрованная жизнь. Терминал, к которому я подключен каждый день.

Я понял потерю, уже когда мы прибыли в аэропорт Шереметьево. Когда я прилетел, то даже пришёл в полицию, думал кто-то нашёл и принёс им. На меня посмотрели с таким сочувствием, которое говорит: «Милый, забудь». В Москве, в этом муравейнике, пропасть без вести двум гаджетам с личными данными — плёвое дело. Я уже смирился с тем, что моя история утеряна с концами, что фото детей увидят какие-то мародёры с Авито, а я так и не узнаю, куда делся кусочек моей души.

Но чудо случилось. Не то чтобы ангел спустился с небес, но что-то близкое к этому.

Прилетев в Москву из командировки, пришёл на работу и мне всё вернули. Да, всё вернули.

Оказывается, мужчина ехал со мной в автобусе. Увидел забытый планшет и ноут, открыл крышку. А там — рабочий стол: мой телефон в электронной почте, контакты, а также логотип компании, где я работал. Он не пошёл по лёгкому пути — не отнёс в ломбард, не продал на запчасти. Он нашёл компанию в интернете. Позвонил, объяснил, оставил технику моему коллеге, который и передал её мне.

Я до настоящего момента вспоминаю этого мужчину и жалею, что так и не поблагодарил его лично. Я не знаю его имени, не знаю его лица. Знаю только, что он был в возрасте, он не был богат, по описанию моего коллеги — обычный человек.

Если в этих строчках вы увидели себя или узнали историю своего знакомого, пожалуйста, свяжитесь со мной. Конечно, если вы его знаете, и вы не из просранного поколения. На моё поколение надежды нет. Мои сверстники бы продали ноутбук, чтобы купить очередную неделю в прокате или новый айфон, не задумываясь, что там внутри. А это, кстати, тоже характеризует мою страну. В этом автобусе ехал человек из другого времени.

Я отвлёкся. Венгрия, Будапешт. Лето. Жарко, душно, Дунай несёт свои мутные воды, отражая в себе купола парламента.

Будапешт — очень красивый город, который потерялся в своём прошлом и настоящем. Это город с раздвоением личности. Представьте: вы едете в экскурсионном автобусе, кондиционер гудит, за окном мелькают фасады в стиле барокко и модерна. Экскурсия записана на носитель, и каждый раз, когда вы проезжаете какой-нибудь участок или памятник, включается разный текст, рассказывающий о событиях и истории. Громкий голос диктора борется с шумом улиц.

Вы едете в центре, и вам экскурсовод в наушник, с пафосом в голосе, говорит:

«Господа, обратите внимание! Слева стоит памятник. Обратите внимание, он стоит спиной к Российскому посольству и лицом к месту, где доблестные солдаты немецкого вермахта совместно с венграми в период с 1941 по 1945 год защищали свою родину».

Я замер. Повернул голову. Точнее, повернул бы, если бы мог повернуть голову на сто восемьдесят градусов внутри автобуса. Защищали родину? От кого? От тех самых русских, чье посольство стоит за спиной?

Едете дальше. В наушниках тишина, потом снова щелчок:

«А теперь, слева от нас памятник венграм, которые совместно с солдатами армии Советского Союза защищали нашу родину от фашистов».

Ну дурдом же, правда? Один и тот же народ, одна и та же земля, но история разорвана пополам. С одной стороны — герои, с другой — оккупанты. Венгры пытаются угодить всем сразу, и получается эта страшная карикатура на память.

Кстати, когда я пишу про поколения, речь не идёт о конкретных гражданах нашей страны. Речь идёт о поколениях нашей планеты. Неважно, какой страны — венгры, русские, американцы — поколение просрано везде. Люди забыли, как мыслить критически, они проглатывают бред, если он подан под соусом официальной экскурсии.

Есть ещё один неприятный факт, я бы назвал его новой главой, порностудия на Дунае, но он слишком короткий.

Возвращаясь к Будапешту и его ночам. Мы там обучались дня четыре. Честное слово, обучение было не самым важным событием.

Каждый день по несколько раз в день нам предлагали зайти в стриптиз-клуб или взять девушку на ночь, на обед, на завтрак. На улице, в ресторанах, на развязках. Было ощущение, что весь город — это один огромный, дорогостоящий порнофильм.

И туристы, боже мой, эти туристы! Они приезжают в Будапешт не за Бартоком, не за архитектурой, не за историей Габсбургов. Они приезжают сюда, чтобы трахаться и развлекаться. Днём они ходят с камерами, снимая исторические здания, а ночью город превращается в сплошную порностудию. Дешёвый секс, дешёвое вино, дешёвые эмоции. И эта фальшь висит в воздухе плотнее, чем смог.

Куба. Скажите, что это коммунизм с человеческим лицом, а я скажу, без него.

Куба. Остров свободы. Остров Свободы с большой буквы, но если приглядеться, то это скорее Острог свободы. Я сидел на террасе отеля, построенного испанцами ещё в те времена, когда слово «революция» означало лишь смену цветов на флаге, а не образ жизни, и пытался сопоставить легенды с реальностью.

Мы ездили в Тринидад. Этот город — застывший в янтаре кадр из прошлого века. Колониальная архитектура, мощёные улицы, старушки в цветных платьях, сидящие на порогах. Красиво? До одури. Но как только ты пытаешься заглянуть за этот декоративный фасад, понимаешь: свободы здесь нет. В буквальном смысле. Она выдвлена, регламентирована и спрятана за семью печатями партийных указов. Люди зажаты в тиски такие, что кровь стынет в жилах. Вспоминается утопия Джорджа Оруэлла — «1984», но только под палящим тропическим солн-

цем. В Оруэлле было холодно и серо, здесь — жарко и ярко, но суть та же: Большой Брат видит тебя, и Большой Брат решает, сколько тебе сегодня положено риса, а свобода не свобода.

Прекрасная страна, не поспоришь. Там воздух густой, пьянящий, пахнет дорогим ромом, солью моря и гниющей экзотикой. Пальмы встают стражами — такие высокие, что, задрав голову, хочется плакать от восторга и от какого-то безотчётного ужаса перед величием природы. Но эта страна наивна до безобразия. В своей наивности она напоминает ребёнка, который играет со спичками, не представляя, что такое огонь.

Кстати, я много думал о поколениях. Нельзя сказать, что Куба потеряла своё поколение, как это случилось у нас в девяностые. Она его просто не успела вырастить. Они застряли где-то в 1960-х. Смотрят на мир широко открытыми, ничего не подозревающими глазами, и верят в сказки. Сказки о равенстве, о светлом будущем, которое почему-то уже шестьдесят лет наступает, но всё никак не наступит окончательно.

На Кубе, чёрт возьми, построен коммунизм с человеческим лицом. Но лицо это почему-то серое, измождённое и голодное. На Кубе колхозные коровы выглядят как скелеты из Апокалипсиса. Это не метафора, не художественный преувеличение ради красного словца. Это физическая реальность. Едешь на автобусе, на экскурсию, видишь у обочины костлявую животину, торчащие ребра, провисшую шкуру. Первая мысль: «Бедное животное, наверное, большое». Но для местных жителей это нормальная корова кубинской системы.

Это логика тотального отчуждения. «Не своё, колхозное — а значит, не жалко». Да, у нас было то же самое. Мы проходили через этот ад, когда трактора гибли, а поля зарастали сорняками. Но мы ушли оттуда. Мы пережили ломку системы, мы вылезли из этой болотной трясины, а они всё там. По уши в иле, который называют «преимуществами социализма».

У людей здесь глаза наивные, детские. Это пугает больше, чем руины. Встречаешься с ними, разговариваешь о жизни, и они рассказывают про Фиделя Кастро. И при этом у них в глазах стоят слёзы подлинного благоговения. Они не лицемерят, они не подыгрывают туристу с долларом. Они верят. Искренне, фанатично верят в то, что Фидель — их спаситель и он вёл их в рай. Что этот дефицит, эти развалины, эти 20 долларов в месяц зарплаты — это временные трудности на пути к всеобщему счастью.

Наш экскурсовод, мужчина средних лет с интеллигентным лицом, рассказывал нам историю, как Фидель лично дал старт строительству дороги, которая ведёт от реального мира в нашу «зону». На полуострове Варадеро, где стояли наши отели, там начиналась другая реальность.

— Фидель приехал сюда, — говорил он, чуть повышая голос, — и сказал: «Чтобы построить эту дорогу, нужно бросить первый камень». Это была его идея, его детище. А отдыхают так капиталисты, которые могут это себе позволить.

Мы молчали, глядя на золотой песок и роскошные лужайки, куда кубинцу въехать с простой проверкой документов сложнее, чем русскому туристу получить визу в космос. Райская зона для туристов, отгороженная от народа колючей проволокой пропаганды и пропускным режимом.

И вот здесь возникает самый интересный феномен — кубинская двойная мораль, которую они сами же не замечают. Кубинцы, которые служат в отелях, на самом деле не признают, что они обслуживающий персонал. Они искренне убеждены в ином, и этот самообман работает против них же.

— Мы твои друзья! — с горящими глазами говорил мне бармен, поднося «Мохито». — Мы не официанты, мы братья!

И в этом кроется трагедия. Из-за этой «братской» логики им давали чаевые меньше, чем в той же Доминикане. Там берут деньги, кланяются, говорят «Gracias» и счастливы. А здесь ты протягиваешь пару песо, а в ответ видишь обиженные глаза.

— Ой, какой плохой тон, — говорит он, отстраняясь. — Ты же мне друг, а не барин. Друзья не платят друзьям за то, что они им напиток налили.

В итоге человек работает за копейки, его «достоинство», воспитанное партией, мешает ему получить нормальные деньги, выжать из капиталистического тура максимум. Он горд, но голоден. И это абсурднее любой комедии.

Однажды на экскурсии мы заговорили о том, о чём говорят все, но шёпотом. О машинах.

— У нас машины продаёт только государство, — важно произнёс экскурсовод. — Очень дорого. Частные фирмы или другие компании продать машину не могут — только государство. Это контроль качества.

Я не выдержал. Советский опыт закипел во мне.

— Послушайте, — начал я, чувствуя, как краска заливает лицо. — Это же обман! Почему мы должны покупать машину по цене, в три раза превышающей мировую? Я могу купить точно такую же «Ладу» или «Пежо» в любой другой стране мира в разы дешевле!

Он спокойно, с той же детской улыбкой, посмотрел на меня. В его взгляде не было раздражения, лишь сочувствие к моему непониманию.

— Нет, это не обман.

— Как же не обман?! — почти закричал я. — Ваше государство вас грабит! Это по-другому воспринимать нельзя. Это называется монопольное ценообразование в ущерб потребителю!

— Нас не обманывают, — мягко возразил он. — Нам говорят: хочешь — покупай, не хочешь — не покупай. Никто тебя не заставляет.

— Так вы же в другом месте купить не можете! У вас монополия! У вас нет выбора!

— Не могу, — согласился он, кивнув. — Купить в другом месте действительно нельзя. Но это не обман.

Вот эта логика, замкнутая в герметичный круг, выбивала меня из колеи. Нет обмана, потому что тебе не врут о скидке. Они просто не говорят тебе ничего. Они просто берут и всё. И ты платишь. Альтернативы нет, значит, и сравнивать не с чем. Твой мир — это витрина единственного магазина страны.

На Кубе чувствовалось достоинство. Ущемлённое жизнью, но невероятно гордое. Многие люди пытались заработать в обход системы. Я помню, как ночью подходили ко мне теневые фигуры, шептали: «Сигары? Доминиканские сигары? Че Гевара?». Это были те же самые сигары, с того же завода, но не отмеченные печатью казны. Ворованные, чёрт бы их побрал, но что делать людям, если хочется жить?

Помню, купил бананы у уличного торговца. Думаю, выращены они где-то в дикой природе, прямо в джунглях, минуя плантации министерства сельского хозяйства. Кстати, промышленно Куба не производит бананы для экспорта, или я этого просто не понял, находясь там.

В музеях продавали сувенирную валюту с лицом Че Гевары. Памятник человеку, который хотел, чтобы у всех было поровну, а у кого-то не было вообще ничего, а валюту с его лицом продают туристам за твёрдый курс, суший фарс.

У них две валюты. Две разные крови, текущие по венам одной экономики. Одна для туристов — КУК (конвертируемое песо), и другая для местных — просто ПЕСО (национальное). Туристы могут поменять свои доллары или евро только на КУК. Курс в несколько раз выше, чем у бедного песо, а цена на рынках и магазинах везде проставлена в «туристических» деньгах, если это туристическое место. Вот так берут кубинцы больше денег с иностранцев. Двойной стандарт, за который на Кубе, наверное, казнили бы, если бы это сделал частник. Но когда это делает государство — это называется «защита национальных интересов».

Но самым ярким эпизодом, иллюстрирующим этот экономический сюрреализм, стала моя попытка купить сигары в казённом магазине.

Зашёл я в один из тех магазинов, где полки заставлены пачками табака. Стена сигар, головокружительный аромат, дорогая древесина, золото. Продавец, мужчина в безупречном костюме, стоял за прилавком, как часовой на посту.

— Я возьму много коробок, — сказал я, чувствуя себя щедрым купцом. — Мне, наверное, положена скидка?

Он посмотрел на меня так, как будто я предложил ему продать родную мать или совершить преступление против государства.

— Нет.

— Ну почему? — удивился я. — Если я куплю десять пачек, это хорошая прибыль. Если я куплю их у уличного торговца, у вас не будет дохода.

— Покупайте, — пожал он плечами, глядя сквозь меня.

— Но я куплю у того парня на улице! Вы же потеряете деньги, клиент уйдёт к конкурентам!

— Ну и пусть, — спокойно ответил он. — У нас государственный магазин. Скидок нет и быть не может. Это закон.

И это было сказано так спокойно, так уверенно, с такой смесью превосходства и рабской покорности регламенту, что мне стало даже завидно. Завидно их, чёрт возьми, отсутствию коррупции в мелочах. Но в то же время стало страшно от отсутствия здравого смысла в экономике. Продавцу плевать на прибыль магазина. Ему платят зарплату, будь там хоть ноль продаж. Его задача — стоять и не давать скидок. Всё.

Я вдруг вспомнил Советский Союз. Я думал, что я его забыл, что память стёрла эти образы, но Куба вернула их с пугающей чёткостью. У нас было то же самое, один в один. Никакого саморазвития, никакой конкуренции. Ты сидишь в магазине, продавец тебя ненавидит за то, что ты пришёл и заставил работать, но стоит он на своём, как скала. Ты стоишь в очереди, чтобы купить ту же ерунду, что у соседа, но в другом цвете, потому что другого выбора просто нет.

Как выразился один из моих друзей, глядя на всё это и потягивая местное пиво: «Коммунизм — это чёртово зло». И я с ним согласился на все сто процентов. Это зло не потому, что оно хочет быть добрым, а потому, что оно превращает живых людей в функцию, в биомассу для обслуживания великой идеи, которая перестала работать ещё в прошлом веке.

Но, несмотря на всё это. Несмотря на разочарование, на эти скуластые коровы, на обнищавшее величие острова. Несмотря на Будапешт-порнофильм, который мы оставили в прошлом, и на Кубу-сироту, которая так и не повзрослела, я мысленно возвращаюсь к своей стране.

И своей страной горжусь. Люблю её совершенно искренней, детской, доверчивой любовью. Как мать любит дитя — даже если оно иногда плачет, шкодит или совершает ужасные поступки. Ты не можешь перестать его любить, это в крови. Это твой дом. И, как бы тебе там ни было хорошо в отеле «всё включено», некуда больше уезжать. Потому что там — курорт, а здесь — жизнь. Больная, сложная, нелогичная, но твоя.

Думаете в Европе лучше, там ждут нас, ковровые дорожки расстелены, был я и там.

Франция. Париж, Лазурный берег, окрестности, уставленные замками. Это нужно видеть, это мечта любого туриста. Но если Куба — это застывший в времени балаган, то Франция — это красивый, пышно убранный, но уже остывающий труп. Мы приехали смотреть на великую культуру, а увидели финал великой истории.

Представьте ситуацию. Вы садитесь в самолёт, летите через океан, приземляетесь в Париже. Город, который воспет в тысячах песен, кинофильмах, романах. Вы ждёте этого мелодичного, «калорийного» французского языка. Вы хотите его услышать, потому что без него Париж неполон. Он как музыкальный фон, без которого картина теряет цвет.

Я ехал из аэропорта Шарль-де-Голль до центра на их «супер-крутой» электричке. Ехал больше часа. Вагон был битком набит. Люди шумели, смеялись, кричали по телефонам. И знаете, что меня поразило? За весь этот час я не услышал ни одного слова по-французски. Ни одного! Арабский, африканские диалекты, английский, русский, китайский — да, пожалуйста. Но родного языка страны, в которой я находился, не было. Словно он вымер, как латынь.

Я смотрел на этих пассажиров и думал: скажите, вы бы поменяли свою страну на страну, которая оккупирована? Не танками, а молчаливой инфильтрацией. Где живут люди, которые там не родились, не любят её историю и не собираются учить её язык. Они просто живут на её теле, как паразиты на сыре. Наверное, будущее у такой страны есть. Но это будущее точно не будет называться «Франция».

Но больше всего меня возмутила не эта бестолковая миграционная политика или, точнее, её полное отсутствие. Меня разбила другая картина. Дети.

В центре Парижа, города богатства и моды, дети спят на улице. Со своими семьями. Просто на матрасе, прямо на асфальте, среди прохожих, спешащих по делам. Конечно, это не парижане в третьем-четвёртом поколении. Это не коренные французы. Но от этого зрелища не легче.

Это триггер. Это сильный удар в солнечное сплетение, который возвращает тебя назад, в наше прошлое. Мы это проходили. В 90-е мы это видели каждый день. Я помню Московское метро, переходы, гулкие подземки, полные детей. Толпы грязных, испуганных, потерянных. Но помню и другое. Я помню глаза неравнодушных взрослых.

Однажды, в те смутные годы, я увидел женщину. Деловая, строгая, в мини-юбке, в очках, с портфелем. Она бежала на работу, на встречу, где от неё зависели контракты и деньги. Но она остановилась. Увидела ребёнка, сидящего на холодном кафеле. Она нагнулась, поправила ему шарф и спросила: «Малыш, почему ты здесь? Где твоя мама?». В её голосе была мольба и боль. Это было угнетающее зрелище не потому, что это выглядело некрасиво или эстетично непривлекательно. Это было страшно потому, что ты видишь пропасть: ты понимаешь, что помочь-то хочешь, но их — тысячи. И твои пятьдесят рублей ситуации не изменят. Это чувство безысходности, когда вину возлагаешь на само государство, которое позволило своим детям жить в норах.

Но сейчас у нас детей на улицах нет. Мы вытащили их из этого болота. А в Париже они есть. В 2023-м, в 2024-м году. Великая Европа.

Мы уехали из города, надеясь, что провинция сохраняет дух Франции. Экскурсия по замкам Луары, легендарное Аббатство Монт-Сен-Мишель. Это место власти. Оно стоит посреди воды, как крепость духа. Когда идёшь по его узким улочкам, поднимаешься к аббатству, чувствуешь дыхание столетий. Здесь короли молились, рыцари клялись в верности. Камни здесь помнят настоящих французов. Но глядя на толпу туристов, ощущение призрачности. Смотришь на эти стены и думаешь: а кто теперь их защищает? Те, кто спит на матрасах в парижских переулках? Или те, кто продаёт сувениры из Китая?

Ницца — это отдельная песня. Солнце, море, богатство. Англия на побережье. Там тоже можно найти красивые фасады, но за ними чувствуется та же пустота. Карнавал, цветы, музыка — всё это маскарад на кладбище цивилизации.

А всё почему? Потому что ложь. Ложь поколения, а в их случае — ложь многих поколений. Они научились жить на чужом величии, переписывая историю так, чтобы им было комфортно спать.

Знаете ли вы, что такое «Нормандия Немо»? Поднимите руку. А вы знаете, что это авиаполк? Сколько их там было? Плюс-минус сто самолётов с французскими лётчиками. Великая история, да? Они говорят, что эта сотня самолётов победила фашизм, взлетая откуда-то с небес или из облаков, спасая мир.

Я зашёл в музей «Нормандия Немо». Я искал хотя бы слово. Хотя бы строчку. Ничего. Там ни слова про СССР. Ни слова про тот факт, что война на Восточном фронте выкачивала все ресурсы Рейха. Там нет упоминания гибели миллионов советских граждан, миллионов сбитых советских самолётов. Кстати, летали французы-герои не на «Миражах» и даже не на «Спитфайрах». Они летали на наших «Яках». На тех же машинах, которые собирали руками наши бабушки под обстрелами.

Французские лётчики совершали подвиги, это факт. Но базировались они на нашей земле, заправлялись нашим бензином, и их прикрывала наша пехота. И стереть это из памяти — это преступление не только против прошлого, это преступление против разума.

Смотрю на это всё и понимаю: поколение идиотов, клоунов и дебилов. Простите за жёсткость, но иначе не скажешь. Они просрали всё. Просрали историю, забыв, кто их спас. Просрали идентичность, растворившись в потоке мигрантов, которым плевать на Наполеона и Виктора Гюго. Просрали свободу, превратив её в вседозволенность для чужих и рабство для своих. Просрали суверенность.

И самое страшное — они радуются этому факту. Они улыбаются, кивают, говорят о толерантности, пока их дом разбирается по кирпичикам. Это не просто грустно. Это пугает, потому что Европа показывает нам, как выглядит конец. Не с грохотом, а с хихиканьем.

Я рад, что я живу в России. Глядя на весь этот «европейский рай», я начинаю ценить наши проблемы. Они наши, родные, честные. Мы хоть знаем, кто мы и откуда. А они? Они — туристы в собственной стране. И им всё сложнее найти дорогу домой.

Мальдивские острова тоже не удивили, страна — гостиница.

Сказать, что Мальдивы — это страна было бы с натяжкой. Это колония. Новая, блестящая, стерильно чистая, но всё та же колония. Только вместо плантаций тут — виллы с панорамными окнами, а вместо надсмотрщиков с кнутами — менеджеры в идеально выглаженных рубашках.

Я прилетел сюда с одним вопросом: а что вообще есть у этого государства? Я не уверен в качестве образования здесь. Честно говоря, я подозреваю, что для подавляющего большинства местных жителей полное среднее образование — это трёхнедельные курсы официантов, барменов и горничных. Их учат одному: как улыбаться так, чтобы тебе оставили больше долларов.

С точки зрения туриста, который прилетел сюда на неделю, оторваться от дурдома — это шикарное место. Остров-отель, личный пляж, кругом бесконечный океан цвета индиго. Ты чувствуешь себя Робинзоном Крузо, но с джакузи и шведским столом. Но стоит убрать шоры, как картинка трескается.

В этих отелях ничего местного нет. Абсолютно. Ничего. Ни одного предмета, который рождён этой землей или руками этих людей. Сам бог велел развивать здесь местное производство, создавать рабочие места, давая людям труд, а не просто подачки. Построил отель? В этом отеле должно быть всё местное. Мебель из местного дерева, ткани, керамика, посуда. Но там всё английское. Или немецкое. Или итальянское.

Полотенца с биркой ливонской фабрики, мебель из шведского ИКЕА (или его дорогих аналогов), салфетки, сантехника — даже раковины привезены с другого конца света. Это какой-то сюрреализм: ты находишься в Индийском океане, на крошечном песчаном атолле, сидишь на стуле, который проделал путь в десять тысяч километров, чтобы твои удобства были «европейского стандарта».

Местные жители — это предки древних племён, богов океана. Но сейчас они превратились в обслуживающий персонал в собственной стране. Они порабощены, и их острова атакует не только хозяин-капиталист, который забирает львиную долю прибыли, но и сама природа. А у природы нет паспорта, нет миграционной политики, и она не берёт взятку.

На острове, где мы жили, висела карта. На первый взгляд — обычная туристическая карта. Но если присмотреться, по ней были нанесены границы острова в разные периоды времени. И это были не столетия и не эпохи. Это были года. 2010-й, 2015-й, 2020-й...

Остров уходит под воду. Не медленно, не в геологическом масштабе, а на глазах одного поколения. Всё глубже и глубже. Океан забирает метры береговой линии. Мангровые заросли исчезают, песок смывается. Это не прогноз футурологов, это сухой факт, нарисованный чернилами на бумаге.

Смотришь на эту карту и думаешь: а как это — жить на земле, которая помирала с тобой? Которая с каждым штормом становится всё меньше, как старый мужчина, который теряет вес и силы? Это какой-то медленный, вялотекущий апокалипсис, который происходит под аккомпанемент весёлой музыки у бассейна.

И тут возникает самый главный вопрос. Как вы думаете, владелец этого острова — скажем, богатый англичанин или транснациональная корпорация — думает о том, как он будет спасать своих работников? Представьте, что уровень воды поднимется на полметра. Что будет с этими ребятами, с их семьями, с их хижинами на «сухих» островах, где они живут между сменами?

Думаю, ему плевать. Абсолютно плевать. Он смотрит в таблицы Excel. Он знает, что отель окупится за семь лет. Если через десять лет вода зальёт лобби, он просто объявит банкротство, заберёт страховку и уедет пить чай в Лондон. А существующему поколению мальдивцев лететь некуда. У них нет второго дома, нет заграничного паспорта, нет сбережений в швейцарских банках. У них есть только этот тонкий слой песка, который тает под ногами.

Это очень маленькая страна. Нельзя, наверное, винить её в каких-то глобальных ошибках или стратегических просчётах. Как можно обвинять человека, родившегося без рук в том, что он не может обнять мир? У неё не было и нет шансов быть свободной. Свобода требует ресурса, требует территории, требует суверенитета, а у Мальдив — только океан и туризм.

Я смотрел на этих улыбающихся парней, подающих мне кокос, и мне становилось не по себе. Они улыбаются, потому что иначе их уволят. Они живут в красивой тюрьме, которая медленно тонет. А туристы в это время фотографируют закаты, выкладывая хэштеги со словом «РАЙ», даже не подозревая, что они — свидетели конца одного из самых красивых мест на Земле.

Доминикана. Прекрасная страна, если смотреть на неё через камеру мобильного телефона, не поворачиваясь на 180 градусов. Если не выходить за пределы отеля. Там, за высоким забором и вооружённой охраной — суперкрутые пляжи. Те самые, белоснежные полосы песка, где снимают фильмы про рай. Побережье Баваро, дачи миллиардеров, яхты, белоснежные паруса. Это витрина. Это декорация к голливудскому фильму о жизни богатых и успешных.

Но стоит вам сделать шаг за периметр «всё включено», как иллюзия разбивается вдребезги. Перед вами открывается не страна, а мусорная яма. Везде раскидан пластик, пакеты, банки, рваная обувь. Горы мусора растут прямо вдоль дорог, словно это национальные памятники. От них пахнет гарью и прелью. Думаю, местных жителей это уже давно не возмущает. Они смотрят на это равнодушно, как мы смотрим на асфальт. Они живут внутри свалки, и для них это норма пейзажа.

Страна дотационная. Это странно, не правда ли? Обладая самыми лучшими пляжами в мире, имея вечное лето и океан, они находятся на пределе выживания. Но у них всегда есть аргумент в споре о том, что жить может быть и хуже. Этот аргумент носит имя Гаити.

Гаити находится на том же острове, буквально рядом с Доминиканой, отделённая лишь границей на карте. Но по уровню жизни это разные планеты. Доминиканцы смотрят на Гаити как в зеркало страшного будущего. Это страх держит их в узде.

Вы знали, что если в Доминикане платят за тяжёлый труд — сбор сахарного тростника — 4 доллара в сутки, то гаитянам платят 2 доллара или даже меньше? За тот же самый пот, за те же порезанные руки, за тот же палящий зной. Это разве не рабство? Только теперь рабов разделили на касты. «Наши» рабы получают двойной паёк, «чужие» — половину. И это считается экономическим чудом.

В столице туристического рая, в Пунта Кана, есть районы, которые лучше не показывать туристам — трущобы. Там нет асфальта, нет канализации, нет надежды. Там каждый год рушатся кварталы. Они сделаны из того, что проще назвать «говно и палки». Это не метафора. Каркас из жердей, обмазанный чем-то, напоминающим глину с добавками, крыши из старого железа или пальмовых листьев.

И каждый год, когда проходят тропические ливни, этот картонный мир смывается в океан. Но каждый год люди строят это снова и снова. И дома снова рушатся. Это цикл Сизифа, только камень заменён на гнилые доски. У них нет технологий, нет денег на нормальный бетон, нет образования, чтобы строить надёжно. Есть только желание выжить сегодня.

При этом страна пытается создать образ истории. Она создала несколько музеев, которые рассказывают о Колумбе. О «счастливом времени» великого адмирала. Сияющий герой, открыватель новых земель.

Но если открыть учебник истории, а не туристический буклет, становится страшно. Он открыл эту страну, чтобы начать высасывать из неё ресурсы. И делал он это очень жестоко. Местное население — коренные народы — просто не выжили. Их истребили. Вырезали подчистую.

Тот самый фашизм, с которым боролись наши предки, по сути своей уже был там. Одна нация считала себя лучше другой — не просто сильнее, а выше, по крови, по праву «чистой расы». Наше поколение иногда цинично жарит сосиски на символах победителей фашистов, пытаясь хайпануть на истории. А здесь вам предлагают хайпануть на символах победителей Колумба? Но победителей-то и в помине нет. Коренных жителей — нет. Значит, ваших предков здесь нет, и вас, как их наследников, тоже не существует.

Люди искали золото. Золото было главной ценностью для испанской короны. И если индеец не приносил золота, если его не мог найти, то соратники Колумба отрезали ему руки. Да, именно так. Отрезали руки живому человеку и отправляли его умирать от потери крови и боли в свою деревню. Чтобы другим было неповадно. А музеи рассказывают школьникам о великих мореплавателях и принесении цивилизации.

Текущее местное население — это не коренные жители, как мы иногда говорим про коренных москвичей или сибиряков, чьи предки веками жили на этой земле. Это рабы, которых массово завозили из Африки, чтобы заменить истреблённых индейцев.

Причём завозили их хитро. Капиталисты того времени — французы и испанцы — понимали, что объединённые рабы опасны. Поэтому они завозили разные племена. Представителей враждующих африканских народов ссаживали на один остров. Они говорили на разных языках, поклонялись разным богам, ненавидели друг друга в Африке. И они продолжали воевать между собой здесь, на острове.

Пока они резали друг друга ножами, капиталисты могли спокойно этой территорией править, сидя в верандах с ромом. Эта вражда, эта раздробленность жива в них и по сей день. Нет единой нации, есть сборка из разрозненных осколков.

Ничего не поменялось за века. Рабы так же воюют друг с другом, а капиталисты так же правят бал, называя это свободной страной, великой цивилизацией.

Доминикана — это хрестоматийный пример страны, которая живёт без своего поколения. В полном смысле этого слова. У них нет понятия «общее благо». Нет понятия «государственное имущество».

Представьте электричку. Не абстрактную, а реальную. Человек заходит в неё, и его первая мысль — не о том, чтобы доехать до дома. Его мысль: «А можно ли открутить это кресло? Можно ли вытащить кусок цветного металла?». Он ворует. Он выламывает, выкручивает, выносит. А что будет с электричкой потом, как поедут другие люди — его вообще не волнует. Его интересует только его выгода здесь и сейчас.

Местные живут именно так. Это философия краткосрочного выживания в мире, где будущего не существует. Когда я жил в одном из самых пафосных, богатых и дорогих мест в Доминикане, в элитном комплексе, где номера стоят как полугодовая зарплата моего приятеля, мне прямо на выходе из отеля предложили наркотики.

Не в подворотне, не в тёмном переулке. У парадной, под камерами наблюдения, у бассейна. Парень в форме, но с глазами голодного волка, шепнул: «Кока? Марихуана?».

Это лицо настоящей Доминиканы. Лицо, которое прячется за пластиковыми пальмами и улыбающимися горничными. Это страна, которая продаёт тебе красивую маску, надеясь, что ты не увидишь гнилого лица под ней.

На Турецких берегах я был два раза. Первый раз прям туристическое место, можно провести весь отпуск в одной гостинице и не устать отдыхать. Второй раз ездили в Стамбул и место не совсем для туристов. Более простой городок.

Стоит ли продолжать писать про другие места, где нас не ждут? Турцию, Таиланд, Вьетнам, Египет? Я думаю, нет смысла. Повторяться — мазать страницу одним и тем же цветом. Везде ситуация более или менее понятна и однообразна. Диагноз поставлен. Мир делится на два типа лагерей.

В первых ты просто «жаришь сосиски на символах». Ты продаёшь прошлое, обдирая туриста как липку, не создавая ничего нового. Это путь в никуда. Это путь Доминиканы и Мальдив.

А во-вторых, ты воспитал поколение, которое любит свою страну. Несмотря ни на что.

И тут на фоне всех описанных выше стран, где царит запустение или наигранная улыбка бедняка, резко, как кинжал, выделяется Турция.

Посмотрите на факты, голые и жёсткие. Турция проиграла Первую мировую войну. Она была повержена, расчленена, унижена. Во Второй мировой войне она официально не воевала, но фактически поддерживала сторону Гитлера, глядя в ту сторону, где, казалось, сильнее ветер. Исторически, это проигравшая сторона с очень сомнительной репутацией XX века.

Но пройдитесь по улицам Стамбула или Анталии сегодня. Посмотрите на их молодое поколение. Несмотря на очень большую миграцию, несмотря на внутренние проблемы, это патриоты. Настоящие, живые.

Конечно, там колоссальное влияние Ататюрка. Человек, который, наверное, единственный в истории смог похоронить величайшую Османскую империю, чтобы спасти свой народ. Он срезал все узлы, сменил алфавит, запретил чадру, поменял идентичность, создав Турцию с нуля. Это титанический труд хирурга, ампутировавшего гангрену, чтобы пациент выжил.

Но дело сейчас не в нём. Он давно в могиле. Дело в том, что осталось в крови. В патриотизме. Товарищеском, агрессивном, националистическом.

Я встречал экскурсоводов в Турции, которые откровенно ввали про историю своей страны. И не просто ввали, а преувеличивали не существующие победы Османской империи, искажая факты в угоду национальной гордости. Они мечтают о возврате величия, о восстановлении Османов, о новом мировом порядке.

Можно было бы смеяться над этим, как мы смеемся над выдумками в других странах. Но здесь не до смеха. Я видел, как они празднуют свой национальный праздник. Это не просто выходной. Это выход миллионов на улицы. Вывешивают свои флаги на каждом балконе, на каждой машине, ходят в одежде цветов национального флага.

Их поколение живо. Оно пульсирует энергией. И готовится к войне с нами.

Их создают как наших противников. Хотя, честно говоря, специально создавать их не нужно. История всё сделала за нас. Мы забрали у них Крым. Мы оттянули куски Персии. И, самое главное для них, мы «заняли» Азербайджан, который они считают своей вотчиной, своим «задним двором».

В их учебниках, в их рассказах мы — оккупанты. Мы — те, кто прервал их великое прошлое. И это не пустой звук. Когда парень в форме отеля или студент в университете смотрит на тебя, он видит в тебе представителя империи, когда-то разбившей их мечты.

Конечно, их страна не свободна в нашем понимании слова. Там диктатура, там цензура, там сажают журналистов. Но она чувствует себя свободно. Она ведёт себя как суверенная держава, которая сама выбирает, с кем дружить, а с кем ругаться, балансируя между НАТО и Россией, выжимая выгоду отовсюду.

И самое главное — в Турции нет той унижительной бедности, которая встречается в Доминикане или Таиланде. Конечно, бедные есть везде. Но это другая бедность. Не та, где люди живут в коробках из говна и палок, которые смывает первым дождём. Процент нищеты ниже, потому что в стране важны рабочие места.

Турция живёт не только туризмом. Это фундаментальное отличие. Турция живёт текстилем. Их швейная фабрика одевает половину Европы. Они производят лекарства, мебель, технику. У них мощное строительство, они продают недвижимость всему миру. Они делают что-то своими руками. Они производят.

Когда человек работает на заводе, он не вешает флаг на отель с целью выпросить доллар. Он вешает флаг, потому что знает: он часть механизма, который делает его страну сильной.

Смотрю на Турцию и понимаю: вот он, настоящий сосед. Опасный, хитрый, врущий историю, но любящий свой дом. И в этом их главная сила. Они не ждут подачек. Они забирают своё. И нам есть чему у них поучиться — не вранью, конечно, а вот этой яростной, неистребимой любви к своей земле, даже если ты когда-то проиграл все войны.

Беларусь — прекрасная страна. У них наша природа, наш менталитет, наши корни, люди прекрасные, но есть нюансы. Ниже мои впечатления об этой стране. Я там был в основном по работе, раз 15.

Беларусь — это какая-то матрёшка в обратном порядке. Снаружи она выглядит как современная европейская страна: аккуратная, помытая, с широчайшими дорогами, по которым можно разгоняться до безумия, не боясь провалиться в яму. Но если вскрыть эту гладкую оболочку, внутри пахнет не Европой, а Советским Союзом. И даже не тем Союзом, который мы с вами помним по детству, а его идеальной, отретушированной фотографией.

Минск — это город, который меня пугает своей правильностью. Он слишком чистый. Здесь нет того хаоса, который делает нашу жизнь живой. Нет ларьков, нет кривых заборов, нет архитектурных уродств 90-х. Всё выстроено в ряд, выровнено по линейке. И тишина. Чёрт возьми, там такая тишина, что звенит в ушах.

Знаете почему? Потому что запрещено говорить правду. Вас что-то не устраивает — вы выходите на митинг, вас снимают на камеру, а потом принимают меры. КГБ принимает меры.

Люди там другие. Они спокойные. Они не носятся как угорелые, как мы, пытаясь успеть на встречу, которая ничего не решит. Они идут не спеша. В их глазах нет того напряжения, которое мы носим под своими глазами. Это хорошо или плохо? Не знаю. С одной стороны — стабильность. Тебя никто не тронет, ты платишь копейки за коммуналку, ты едешь по идеальной трассе. Но, с другой стороны, это какой-то «Диснейленд социализма». Куклы в красивой витрине.

Главная еда там — картошка. «Бульба». Они обожают её. Жареную, варёную, толчёную. Я сидел в ресторане, думал, закажу что-то этническое, а мне принесли тарелку картошки с мясом. Вкусно, до дрожи, но как-то примитивно.

Местные жители гордятся тем, что у них «не как у нас». Они смотрят на Россию как на сумасшедшего брата, который постоянно лезет в драку. Но за этой гордостью я почувствовал страх. Страх перемен. Они замерли во времени, боясь пошевелиться, чтобы не расколоть хрустальную вазу своего спокойствия. Это не жизнь, это дежурство. Красивое, сытое, но мёртвое.

Маврикий — настолько красивый остров, что каждая фотография — это живые обои для рабочего стола. Океан цвета индиго, пальмы, зелень, сочная и жирная, как масло. Это место, куда едут, чтобы забыть, что где-то существует работа, ипотека и серость будней.

Но если выехать из отеля «всё включено» и поехать вглубь острова, вы увидите другую картинку. Маврикий — это многоцветное нищевродство. Здесь живут потомки индийцев, африканцев, китайцев, французов — всё в одной куче, перепутавшееся в огромный этнический коктейль.

Главное богатство острова — сахар. Поля сахарного тростника окружают тебя повсюду. Глазу больше не за что зацепиться, только на этот бесконечный зеленый забор. Сахар — это их нефть, их золото, их проклятие. История острова — это история рабства. Привезли людей, заставили растить тростник, выжали из них все соки. Сейчас свободные люди продолжают выращивать его за гроши.

Здесь можно очень легко перепутать туризм с миграцией. Я не устаю повторять: это разные истории. Жить там можно, но любить эту страну нужно только из-за красивой природы. А вот променять Россию на этот остров — никогда. Там просто не сможет жить русский человек. Не тот хлеб, не та вода, не те щи... Нам нужна другая энергетика, другая почва под ногами.

И самое обидное — на Маврикии нет ничего, что принадлежало бы самим маврикийцам. Всё продано хозяевам с Запада. Рабство продолжается, просто теперь вместо цепей — контракты и долги.

Люди там улыбаются. Вообще улыбаются всегда. У них такие белые зубы, что кажется, они вставили фарфор. Но эта улыбка стоит недорого. Это услуга. Ты турист, ты долларовая купюра, которая должна остаться довольной.

Но больше всего меня поразил их уклад. Они живут одним днём. Завтра может прийти циклон и снести их хибару. Зачем строить планы? Зачем думать о будущем? Они просто плывут по течению, как кокос в океане. В этом есть своя мудрость, но нет никакой перспективы. Это красивая клетка для попугая, который не знает, что умеет летать.

Мы-то знаем, что летать можем, но предпочитаем пить вино в Москве. Кто из нас глупее — вопрос открытый.

Узбекистан: Самарканд, Ташкент, Бухара — очень красиво. Золотая, тёплая, проникающая везде пыль. Пыль, которая пахнет историей и специями. Я пил чай там на шумных базарах, где продают всё — от ядерных реакторов (шучу) до арбузов, и ловил себя на мысли: вот он, настоящий Восток. Не тот, ерундовый, из турецких сериалов, а настоящий, мужицкий.

Узбеки — это народ, который сохранил то, что мы бездарно просрали. Они сохранили семью. У них уважение к старшим не лозунг, а инстинкт. Если отец сказал — значит, так будет. У нас — спор, ссора, развод. У них — фундамент.

Я сидел и смотрел на их лица. Часто можно увидеть золотую коронку во рту. Не потому, что они богаты, а потому что показать зуб с золотом — это признак успеха. Это их «Мерседес». У нас показывают айфон последней модели, у них — улыбку. Суть одна — «смотри, у меня есть то, чего нет у тебя».

Еда — это религия. Плов. Это не просто еда, это процесс. Это ритуал. Мужчины за большим блюдом, руки в рисе, разговоры о жизни. Там, за этим пловом, решаются судьбы городов.

Но есть и обратная сторона. Это тотальный патриархат и коррупция, пронизывающая всё, как воздух. Чтобы сделать что-то, нужно знать «своего человека». Без блата — никуда. Но как-то они живут с этим дружно. Они умеют договариваться.

Мы, «проспанное поколение», бежим туда за экзотикой, покупаем ковры и пахлавыв, а нам нужно ехать туда учиться. Учиться тому, как сидеть на улице, пить чай из пиалы и никуда не бежать. Учиться тому, что гостеприимство — это не «сервисный стандарт», а норма. Мы забыли, как делиться хлебом, а они делятся последним. И в этом, чёрт возьми, они богаче нас, даже если в кармане пусто.

Таиланд. Это слово у многих вызывает салют из картинок: слоны, пляжи Пхукета, дешёвая еда и массаж за гроши. Фруктовая идиллия. Но стоит вам уехать с отгороженной территории отеля, как попадание в этот рай превращается в попадание в клетку сумасшедшего дома.

Первое, что бьёт в глаза — это провода. Господи, что там за провода! Вы когда-нибудь видели гнездо змей, которые сплелись в смертельный клубок? Вот это и есть Бангкок. Грязные, чёрные, облупленные кишки города висят над головой на уровне двух метров. Они переплетены так, что никакой физик, никакой электроник не разберёт, где электричество, а где, возможно, кабельное телевидение. Километры проводов, висящих на гнилых столбах. Это выглядит так, будто город построили киборги-самоучки, которые просто соединили все концы со всеми концами «как получится». Это чудо, что там до сих пор не происходит постоянный сбой сети и что половина жителей не превратилась в угли, просто коснувшись косяка собственного дома. Это визуализация их хаоса.

А дальше — люди. Местные жители, которые затерялись в этом электрическом беспределе.

О трансах здесь ходят легенды. Леди-бои, «третий пол». В Таиланде это повсеместно. Это часть их культуры, часть цирка. Но если посмотреть без розовых очков, что вы увидите? Вы увидите мужчин, которые сменили пол ради выживания. Ради возможности зарабатывать в кабаре или уличной проституции. Отец хотел сына, родилась дочь, дочь стала сыном, чтобы отправлять отцу деньги на постройку дома. Это такая же экономика, как и наша заводская, только пластичнее. Терпимость здесь показная. Они не боятся трансгендеров, они используют их как туристический аттракцион. «Смотри, какой красивый мальчик-девочка!». Но за этой улыбкой с идеальными зубами часто стоит та же бедность, что и у остальных.

Бедность здесь — это другой жанр. В России у нас есть государство. Пенсия, пособия, социальные лифты. В Таиланде, если ты старый и у тебя нет детей или денег, ты — мусор. Ты никто. Государство тебя просто не видит. Нет соцзащиты, нет больниц для бедных, нет бесплатной медицины в нашем понимании. Умер так умер, освободил место.

Идёшь по улице и видишь старушку, которая жарит что-то на улице, продавая жареных насекомых или кусочки фрукта за копейки. Она делает это не ради хобби. Она делает это, чтобы не умереть с голоду сегодня. Молодежь спилась, растворилась в туристических районах, обслуживая белых людей, или уехала в Бангкок на заработки.

А кто остался в глубинке? Потерянные жители. Люди с пустым взглядом. Они сидят у своих гнилых домиков на сваях и смотрят в никуда. Они живут в грязи, рядом с канавами, в которые стекает всё подряд. Они не строят планы на будущее, потому что у них нет будущего. Есть только сегодняшний день и надежда, что турист купит ещё одну безделушку.

Это красивая жизнь для тех, кто платит долларами. И это выживание для тех, кто моет эти доллары в прачечной.

Мы ругаем нашу страну, но вспомните эти провода, этот ужасающий беспорядок и безразличие государства к своим гражданам. Там каждый сам за себя. И если ты упал, тебя перешибнут, не заметив.

Часть II. Колдовство Утриша и проклятие родни

В любой стране бывают времена, которые её не красят. И нельзя от этого отбрыкиваться, как блоха от собаки, нельзя это забывать, чтобы не повторить ошибок прошлого. И, конечно, это нужно признавать, глядя правде в глаза, без прикрас.

Глава 1. Эстафета проклятия

Во времена жизни моих прадедушек и прабабушек наша страна была не обрядной. Не праздничной. Она была «не той». Странной. Чужой по отношению к людям, которые в ней проживали. И такой её сделали они сами. Своим отношением друг к другу, своей ядовитой, сословной ненавистью, своими животными желаниями жить лучше, ничего не создавая, а просто отнимая и круша.

Время предреволюционное. Хаотичное, взрывное, не очень хорошее время. Время, когда пахло не только цветами Кубани, но и порохом, страхом и чужим горем. Время Игната. Время моей крови.

Я гляжу в окно. Пятница, вечер, 2025 год. За стеклом серые джунгли бетонных высоток. Я — самый не то и есть всем ненавистный москвич. Родился в Москве, в самой её сути, в каком-нибудь роддоме на Соколе или в Филях, с точностью не помню. Папа мой — выходец из Саратовской области, мама — из Орловской. Я не коренной москвич, и, наверное, это стоит объяснить.

Коренной москвич родился от москвичей, а не коренной — от не москвичей. Кому-то это важно, если придумали такое понятие для москвичей.

Но вернёмся к обсуждению поколений, а не географии.

Объясняю сейчас не для тебя, читатель, а для тех, кто верит, что земля плоская. Поверьте, таких сейчас много. Людям проще верить в плоскую землю, чем в кривую, изломанную, перекрученную судьбу собственной семьи. Им проще верить в теории заговора, чем в то, что за окном стоит просто холодная, суровая, магическая реальность. Но чтобы понять, куда нас занесло, нужно разбираться в корнях. Даже если эти корни пьют отравленную воду.

Давайте остановимся на секунду и разложим всё по полочкам. Прадедущка старше Дедушки, Дедушка старше Папы, Папа старше Сына, а Сын старше Внука. Простая арифметика, правда? Т. е. для прадедущки Внук — это его четвёртое поколение, а Сын — третье. И вы должны понимать, что есть линия Папы и линия Мамы. У каждого из нас было два Прадедущки, два Дедушки, один Папа. Ну и с Бабушками та же самая история — двойное дно, двойная кровь, двойная вина.

В моей семье потерялось целое поколение. Пропали без вести звенья «Папы» и «Внука» именно по линии Мамы. Пропали не в том смысле, что я не знаю их имён, а в том, что их жизни были вычеркнуты, стёрты, словно тряпкой с меловой доски. Попробую объяснить почему. Как я ранее писал, мой Прадедущка Игнат был колдун. И если смотреть его линию в сторону Внука — в мою сторону — то она просто пестрит ужасными событиями и мистикой. Это не жизнь, а череда попыток кого-то убежать или не выжить.

В дореволюционные времена семьи должны были быть большими. Это был закон выживания. Чтобы работать в полях, чтобы пасти скотину, чтобы просто не умереть от голода в неурожайный год, нужно много рук. Ручной труд и сельскохозяйственный уклад жизни обязывали содержать большие семьи, сажать много пшеницы для хлеба и держать много скотины. Игнат, зажиточный кулак, понимал это лучше других. У него было всё, кроме души. И была семья из пяти детей: Галина, Прокофия, Лада, Сергей и Василий. Три девочки и два мальчика.

Пять сосудов, в которые он перелил свою отравленную кровь. У всех у них была трагическая судьба. Все они прошли не простой жизненный путь. Каждый пытался вырваться из лап отца, но проклятие цеплялось за подол платья или за гимнастёрку.

Галина. Старшая. Та, которая первой попыталась смыть клеймо Утриша. Она уехала жить в город, в Московской области, в Ступино. Выбор этот показателен. Город Ступино в Советские времена специально адаптировали под предприятия для слепых. Там сделали особые улицы с рифлёным покрытием, где люди с плохим зрением могли передвигаться свободно,

создали рабочие места для слабо видящих. Галина нашла себе суженого — Бориса. Он учил слепых читать, писать и работать. Он был добрым человеком, тем самым светом, которого так не хватало в доме Игната.

Ступино при Союзе было не просто городом у Московской кольцевой, это был своеобразный закрытый карман. Город-контраст. С одной стороны — гигантский металлургический завод (СМЗ), который дышал огнём и дымом, куя броню для танков и детали для ракет. Это был город военных, заводчан, людей с твёрдым стержнем. Но у Ступино было и другое, скрытое лицо. Это был один из немногих городов в стране, специально перепланированный под слепых и слабовидящих людей. Здесь для них создали целую вселенную: со звуковой светофорной сигнализацией, тактильной плиткой на тротуарах, которая щекочет подошвы, и специализированными производствами, где инвалиды не были обузой, а были элитой труда. Это был город-утопия, где хрупкость человеческого тела компенсировалась продуманностью бетона. Здесь Галина с Борисом могли чувствовать себя не изгоями, а полноценными гражданами великой империи. Современное Ступино — это город, который, кажется, немного стыдится своего прошлого. Завод ещё работает, краснея трубами на горизонте, но былой пафос оборонной промышленности поутих, превратившись в обычную рутину «Ростеха». Город стал безликой «спальницей» Москвы, глотая выхлопы фур и потоков личного транспорта. Та самая забота о слепых где-то растворилась в рыночной экономике: таблички Брайле остались, но они выглядят теперь как памятники самому себе, немного потрёпанные временем и равнодушием. Улицы, когда-то считавшиеся образцом доступности, теперь просто ломаются под натиском торговых центров и рекламных щитов. Это красивый, чистый, но какой-то потерянный городок, в котором потомки тех, ради кого его перестраивали, теперь просто сидят в «Ленте» или «Пятерочке», задумываясь о том, как уехать подальше — в самую Москву. Ступино времён СССР Ступино сегодня

Отъезд её произошёл стремительно, почти сразу после родов. Вот здесь начинается та самая мистика, от которой бегут мурашки. Говорят, что она родила двух детей в поле. Просто в поле. Среди колосьев и неба. Говорят, что на этом поле рожали многие монашки, хотя никакого женского монастыря в округе не было. Никто не знает, кто был отец тех детей, что делали монахини в степи и где взялись те роды. Думаю, это слухи, бредни пьяных баб у забора. Или нет? Кто знает теперь правду?

У Галины с Борисом детей не было. Те двое, из поля, исчезли. Может, умерли, может, отданы. Думаю, что после их отъезда у них всё сложилось хорошо. Они пытались построить мир, где не видят зла, где есть только тактильность и доброта. Но уехала ли она от проклятия? Или просто унесла его дальше, на север, в подмосковные сугробы?

Прокофия. Вторая дочь. Её судьба — это гимн человеческому упрямству и одновременно приговор. Прокофия заболела очень редкой болезнью того времени — у неё отнялись ноги в 11 лет. Представьте: деревня, начало века, девочка-калека. Обычно таких прятали в сених,

стыдились. Но Прокофия получила образование. Она уехала в Новосибирск, в Академгородок. Это было чудо. Она, не в силах встать на ноги, встала на ум.

В те годы на селе диагнозы не писали в карты, их шептали через забор или выкрикивали в молитвах. Но если копнуть в суть того медицинского ужаса, диагноз проступает сквозь время с пугающей чёткостью. Скорее всего, это был полиомиелит. «Детский спинальный паралич». Врачей рядом не было, а если бы и были, они бы лишь развели руками, глядя на умирающие нервные клетки. Она не сломала ноги. Она их потеряла в одну ночь, и именно это страшнее, чем перелом. Сначала — жар. Безумный, бредовый, тело горит как в печи. Ребёнок кричит, не может найти места, мать мочит платок в уксусе, отпаивает травами, молится иконам. А внутри, в глубине спинного мозга, идет настоящая, но невидимая война. Вирус, не больше пылинки, штурмует передние рога серого вещества. Он пожирает двигательные нейроны — те самые проводники, которые связывают мозг с мышцами. «Шагай», — приказывает голова. А ноги — глухие, чужие, мёртвые. Это могло случиться за пару дней. Один день она бегала босиком по траве, гонялась за цыплятами, а через неделю — уже не могла встать с лавки. Не от боли в костях, а от пустоты. Связь была обрублена. В деревнях это называли «сглаз» или «мёртвая вода». Игнат, глядя на это, наверное, усмехался. Он, человек, любивший контроль над живым, видел здесь высшую справедливость или свои тёмные дела. Но на самом деле это была холодная, равнодушная биология. Отёк, некроз, и — финал. Ноги, ставшие посохами, но не для ходьбы, а для самой себя. Тяжёлые, холодные, налитые свинцом мешки, которые приходится таскать за собой по жизни. В 11 лет это приговор. Это когда мир вдруг делится на «до» и «после». Когда ты понимаешь, что бежать за уходящим поездом больше не придётся. Поезд ушёл, а ты остался на перроне вместе со своими ногами, которые теперь принадлежат только тишине и неподвижности. Полиомиелит

Во время второй мировой войны, когда снега был по колено, а холод останавливал сердца, она влезала на санки. И её Галина (ещё до отъезда в Ступино) каждый день, каждое утро возила на учёбу. Через морозы, через боль, через войну.

После учёбы её отправили в Москву. Она долго работала с Туполевым, создавала самолёты. Железные птицы, которые должны были отрывать людей от земли, — делала девушка, прикованная к ней. Её взяли в космическую программу. Она была конструктором и создавала топливную систему орбитальной станции «МИР». В то время как Игнат колдовал на земле, внука его заставляли летать в небо.

Это был не просто кусок металла, болтающийся над нашими головами. Это был первый в истории человечества обитаемый орбитальный комплекс модульного типа. Говоря проще — первый настоящий «космический дом», который строили по частям, как огромный конструктор, год за годом наращивая его живую массу.

Запущенная в 1986 году, «Мир» прослужила 15 лет — вечность по меркам космической техники. За это время станция, весившая более 130 тонн, совершила около 86 тысяч оборотов вокруг Земли. Это был гигант, лаборатория и дом одновременно. На ней побывали 104 космонавта из 12 стран, включая тех, кто проводил там по месяцу, а кто и по годам, отрываясь от Земли не только физически, но и ментально. Станция состояла из нескольких модулей: базового блока и специализированных отсеков для науки и стыковки. Но сердце любой такой машины — это системы жизнеобеспечения и ориентации. Чтобы этот «летающий дом» не сгорел в атмосфере и не замерз, ему нужен «кров» и «дыхание». Топливная система станции — это сложнейшая сеть труб, клапанов и баков, питающая двигатели, которые удерживали «Мир» на орбите, защищая её от падения. Инженерам, которые её проектировали, приходилось считать каждый грамм топлива и каждый миллиметр шланга. Ошибка здесь стоила миллиарды рублей и десятки жизней. Эпопея закончилась в 2001 году. Станцию, которую планировали эксплуатировать ещё долго, «амортизировали» из-за устаревания и недостатка средств. Точнее, специально утопили. 23 марта 2001 года «Мир» вошла в плотные слои атмосферы и, сгорая в пламени, упала в Тихий океан, в так называемое «кладбище космических кораблей». По телевизору это показывали, как красивый фейерверк, но для тех, кто её строил, это были похороны близкого человека. Орбитальная станция «Мир»

В Москве у неё была маленькая квартира, с гаражом для инвалидной коляски. Прокофия научилась жить самостоятельно, никогда никому не позволяла себе помогать. Она была страшной в своей независимости. Один раз даже заехала костылём одному из помощников, который попытался подать ей палочку. Ей выделили служебную машину, которая возила её на работу и обратно. В квартире у неё была возможность передвигаться при помощи табуреток. Переставляла их: шлёп, шлёп, шлёп. Так как квартира была маленькая, она перемещалась, опираясь на стены, как паук в углу паутины. Она построила свой мир, недоступный для других, и умерла в нём, вероятно, чувствуя себя королевой.

Я написал, что она жила одна и никому не позволяла себе помогать. Это была лишь половина правды. Настоящая правда в том, как она закончила. Она не умерла своей смертью. Она не стала гнить в постели, ожидая, когда Бог или дьявол решат забрать её. Она ушла по своей воле. Инженерный расчёт до последнего. Жизнь — это хитрая штука. Она отнимает всё по кусочкам. Сначала забрала ноги в 11 лет. Прокофия сказала: «Ничего, у меня есть голова и руки». И она победила. Она создала топливную систему для «Мира», пока другие ходили на двух ногах и толком не знали, чем заняться. Но годы брали своё. В один ужасный день отказала рука. Та самая рука, которая чертила чертежи, которой она передвигалась, опиралась на стены. Рука, которая была её последним мостиком в мир независимости.

Представьте её состояние. Человек, который покори́л космос, вдруг оказывается беспомощным инвалидом, который не может сам поднять стакан воды. Она попыталась смириться. В очередной раз проявив стальную волю, она попросила родственников купить подгузники для взрослых. Попробовала жить в них. Попробовала терпеть этот стыд, эту вонь, это возвращение в младенчество посреди квартиры, заставленной инженерными дипломами. Она продержалась пару дней. Потом всё взвесила. Но, к сожалению, её стальная воля дала трещину. Не сумев принять помощь и смириться с новой реальностью, она совершила страшную и непоправимую ошибку. Оставила записку. Три сухие фразы: «Не могу больше. Никого не вините. Я просто устала». Однако это не был достойный уход. Это была трагедия — капитуляция перед болезнью, момент слабости, перечеркнувший все её прошлые победы. Она не ушла победительницей, а проиграла свою последнюю битву с отчаянием. Это не было независимостью; это отказ от борьбы, который нельзя считать правильным решением. Она прервала свою жизнь, подумав, что так можно сохранить гордость, но на самом деле лишь уступила безысходности. А теперь посмотрите на нас. На «просранное поколение».

Послушайте, как мы ноём. Нам кажется катастрофой, если нас заставляют учить уроки. О боже, три параграфа по истории, какой ужас! Мы падаем в обморок, если у нас поднимается температура 37.2. Мы требуем к себе няnek, когда просто простужены. Мама, принеси водички! Папа, накрой пледом! Мир рушится, потому что у нас болит животик. Нам кажется, что жизнь — это праздник, где мы должны лежать на диване и получать удовольствия. Мы боимся ответственности, как чёрт ладана. А стоило кому-то в семье заболеть по-настоящему, мы тут же начинаем возмущаться: «Я должна служить нянкой? У меня своя жизнь! У меня свидание! У меня наращенные ногти!» Мы — трусливые, бессильные слизняки по сравнению с ней. Прокофия, у которой не было ног, стояла выше нас, нравственно и физически просто потому, что отказалась быть обузой. Она выбрала смерть вместо позора. А мы выбираем позор, лишь бы не вставать с дивана. Она смотрит на нас сверху вниз, с той самой орбиты, к которой она приблизила человечество, и, наверное, жалеет. Жалеет, что её кровь разбавилась нашей водичкой. Прокофия: последний расчёт

Лада. Третья дочь. Самая короткая и самая страшная история. Лада умерла молодой, ей ещё и тридцати не было. Она сколачивала ящики для местного колхоза. Рабочий труд, простой, безнадёжный. И вот она увидела какой-то хлеб. Просто лежал на столе, или его забыли, или подложили. Она взяла его в руки и в скором времени умерла.

Говорят, что этот хлеб заколдовал Игнат, её отец. Он настраивал его на смерть. Но он не предназначался ей. Это был промах. Случайный выстрел. В те времена камер и телефонов не было, поэтому доказательств нет. Но версия эта живёт в семье. Отца боялись даже после его смерти. Его злость бродила по дому и отравляла еду. Лада просто съела свою смерть, не зная об этом. Беспечная жертва семейного демона.

Сергей. Мой дед. Единственный, кто попробовал победить проклятие огнём. Он успел родить четверых детей, воевал, дошёл до Берлина, получил медаль за оборону Сталинграда, награду за взятие Берлина. Он прошёл ад, чтобы вернуться и построить дом. Он женился на моей Бабушке. Один из их детей — моя Мама.

Но и у их детей судьба была не простая. Когда Бабушка выходила замуж за Сергея, у неё уже был один ребёнок — Тарас. Тарас, плод любви моей Бабушки и одного лётчика, который ушёл на фронт и не вернулся. Погиб в первые дни войны. Бабушка ездила к нему на могилу после войны. Тарас был пасынком Сергея, и, кажется, та кровь лётчика принесла в семью другую беду.

Вместе с Тарасом было пятеро детей. Трое из них умерли не своей смертью: Тарас, Александр (не путайте с сыном Игната — в книге описывается два Александра, один — сын Игната, другой — мой дядя) и Гуня. Тарас сам был алкоголиком и умер по глупости или по дурости

— пилил на дрова ветку, на которой сидел. Ветка упала вместе с ним, и он погиб. Абсурдная смерть, как в плохом анекдоте, но со смертельным исходом.

Тарас в тот день был абсолютно трезв. Это и было самым страшным его состоянием. Когда внутри — шум, гул и бубнёж, жить можно. А когда трезвость наступает после запоя, мир становится слишком чётким, слишком чёрно-белым и безжалостным. В голове тихо, но эта тишина звенит в ушах, как после взрыва. Он стоял в саду у старой, дряхлой яблони, держа в руках ржавую пилу. Зачем? Чтобы нарубить дров. Кому? Никому. Просто чтобы продать соседу за копейки. Именно столько стоила его жизнь на тот момент — горсть мелочи, которой хватит ровно на одну бутылку. Не на еду, не на одежду, не на подарок детям. На бутылку забывающей водки. На то, чтобы выключить этот чёртов мир на несколько часов. Он устал. Это не была усталость после смены или после тренировки. Это была усталость каждой клеточки, каждого атома. Усталость тянуть эту лямку, из которой не вылезешь. Он всё понимал. Он видел, как на него смотрят люди. В их глазах было не презрение — презрение можно пережить. Там было облегчение. «Опять пьёт. Ну, хоть не буянит. Слава богу, просто пьёт». Он был ходячим трупом, который просто занимал место и создавал проблемы. Он взобрался на ствол. Не по глупости, а по какой-то безразличной лени. Лезть вниз, ставить стремянку, менять положение тела — всё это лишние движения. Ему было всё равно. Он сел на толстую ветку, свесив ноги, и начал пилить ту, что была потолком над его головой. Или основанием? Он не вникал в механику Ньютона. Пила визжала, вдавливаясь в живую древесину. Опилки летели ему на лицо, в глаза, но он не моргал. Он думал о бутылке. О том, как сорвёшь крышечку, как первый глоток обожжёт горло и успокоит дрожь в руках. Это была его единственная религия. Где-то в глубине души, в том остатке совести, который ещё не был убит спиртом, он понимал: «Ты сидишь на том, что пилишь, клоун». Но потом приходила другая мысль. Тёмная, липкая, сладкая мысль. А что, если упаду? Сломаю шею? Случайно. Непреднамеренно. Просто так. Гравитация, физика, невезение. Он перестал пилить на секунду и посмотрел вниз. Земля была далёкой и твёрдой. Смерть там выглядела... покойной. Никаких синяков, никакого позора, никаких укоров. Просто тишина. Он не был самоубийцей в прямом смысле. Он не вешался и не резал вены. Он просто устал бояться жизни. Он пилил дальше, сильнее и быстрее, чувствуя, как ветка под ним жалобно скрипит и прогибается. «Падай», — прошептал он дереву. «Падай, давай уже». Он не знал, что точно умрёт. Возможно, надеялся просто сломать ногу, чтобы лечь в больницу, где есть таблетки и чистая простыня. Но в глубине души, в той чёрной дыре внутри, он молился об одном: чтобы всё закончилось сейчас. Сухой треск. Ветка надломилась. Мир перевернулся. Небо ударилось в землю. Тарас успел подумать только одно: «Наконец-то». Это не было ужасом. Это было облегчение. Удар. Тишина. И ни одной бутылки больше. Второй их сын, Александр, сгорел. Дословно. Он исчез в огне, как бумажный лист, брошенный в печь. И как в том случае с Прокофьей, здесь

**есть своя страшная логика. Огонь забрал того, кто вообще перестал
чувствовать жизнь. Тарас: Смерть под сучком**

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.